

Иванов Дмитрий Игоревич, Лакербай Дмитрий Леонидович

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА И ТЕОРИЯ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В связи с процессами, происходящими в современном лингвоориентированном гуманитарном познании, освещается вопрос о междисциплинарной теории "среднего уровня", которая представляет собой синтез семиотического, социокультурного и когнитивного на базе лингвокультурологии. Согласно семиотическим представлениям, текст может быть и невербальным, что позволяет представить языковую личность как субъектную полисемиотическую единицу в междискурсивном пространстве культуры. Ядром конкретного дискурсивного пространства является синтетическая языковая личность, когнитивно-прагматическая программа которой определяет специфику его структуры и эволюции. Так, русский рок-текст и реализующаяся в его пространстве синтетическая языковая личность - это полисубтекстуальное образование (синтетический текст), формирующееся на базе генетического сращения вербального, музыкального, артикуляционного и имиджевого компонентов. Комплексная разработка частной модели синтетической языковой личности позволяет проводить системный анализ различных дискурсивных зон.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/28.html

Источник

Филологические науки. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2016. № 11(65): в 3-х ч. Ч. 3. С. 96-100. ISSN 1997-2911.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/2.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/2/2016/11-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: phil@gramota.net

УДК 81.1;008:361

В связи с процессами, происходящими в современном лингвоориентированном гуманитарном познании, освещается вопрос о метадисциплинарной теории «среднего уровня», которая представляет собой синтез семиотического, социокультурного и когнитивного на базе лингвокультурологии. Согласно семиотическим представлениям, текст может быть и невербальным, что позволяет представить языковую личность как субъектную полисемиотическую единицу в метадискурсивном пространстве культуры. Ядром конкретного дискурсивного пространства является синтетическая языковая личность, когнитивно-прагматическая программа которой определяет специфику его структуры и эволюции. Так, русский рок-текст и реализующаяся в его пространстве синтетическая языковая личность – это полисубтекстуальное образование (синтетический текст), формирующееся на базе генетического сращения вербального, музыкального, артикуляционного и имиджевого компонентов. Комплексная разработка частной модели синтетической языковой личности позволяет проводить системный анализ различных дискурсивных зон.

Ключевые слова и фразы: дискурс; дискурсивное пространство; синтетический текст; синтетическая языковая личность; когнитивно-прагматическая программа; логоцентрическая модель СЯЛ.

Иванов Дмитрий Игоревич, к. филол. н., доцент
Гуандунский университет международных исследований
Ивановский государственный университет
Ivanb10@yandex.ru

Лакербай Дмитрий Леонидович, к. филол. н., доцент
Ивановский государственный университет
lakomotion@yandex.ru

АНТРОПОЦЕНТРИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМА И ТЕОРИЯ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В лингвоориентированном гуманитарном познании процесс возникновения новых «частных» наук должен уравниваться не просто интегративными связками, но «сквозными» теориями, способными работать не в меж-, а в *метадисциплинарности*, т.е. соответствовать критериям метаязыка для отдельных дисциплин. Смысл метадисциплинарной теории в том, что она должна не *привнести* извне (как когда-то структурализм), а *открыть* потенциал универсализации в самих разнородных, но взаимосвязанных объектах – как их собственную эссенциальную характеристику. Данное соображение умеряет универсалистские претензии теории (рефлексия диапозона применимости и эвристичности), но усиливает объяснительный потенциал. Для феноменов культуры и языка эта эссенциальность связана с антропологическим фактором. На наш взгляд, такая теория, отвечая сложности культурно-языковых феноменов, должна быть способна синтезировать семиотическое, социокультурное и когнитивное в рамках антропоцентрической парадигмы.

Созданная Д. И. Ивановым теория синтетической языковой личности [6] преодолевает недостаточность как филологического, так и любого другого частнодисциплинарного подхода к «синтетическому тексту» русского рока (материал исследования). Рок-произведение возникает и реализуется в неразрывном единстве поэзии, мелодии, музыкального ритма, вокала, фактора аудитории, сценического поведения, и такой текст не может быть адекватно понят и изучен в узких дисциплинарных рамках; более того, сама его сущностная природа и конфигурация не могут стать предметом изучения частных научных дисциплин. Используемая Д. И. Ивановым в качестве базовой науки лингвокультурология подверглась авторской интерпретации в процессе исследования: была активно задействована семиотика культуры и переосмыслено опорное понятие «языковая личность» (в понимании школы Ю. Н. Караулова) – с целью избавить его от дисциплинарной (лингвистической) узости и привлечь его к анализу различных нелингвистических семиотических дискурсивных зон (музыкальных, имиджевых, артикуляционных и др.).

В символической триаде *язык – личность – культура* язык выступает как познавательная матрица реальности, что позволяет эксплицировать два фокуса моделирования языка в человеке – культурологическое и когнитивное. Ю. Н. Караулов выходит на уровень построения абстрактной модели языковой личности, разработав трехуровневую модель (вербально-семантический, когнитивный и прагматический уровни) [9], что выводит языковую личность в коммуникативно-речевой план, актуализируя, таким образом, проблематику *дискурса*, позволяя поставить вопрос о *дискурсивной личности* и *дискурсивном мышлении*. Представленные в концепции Ю. Н. Караулова уровни воплощения языковой личности пронизывают структуру дискурса, организуют его классификационные признаки, превращая их в систему.

В свете вышесказанного становится видна перспектива анализа любой составляющей синтетического текста рок-культуры. Так, любому, кто присутствовал на рок-концерте популярной группы, очевидна значимость визуального ряда, т.е. имиджевой стороны. В рамках комплексного подхода требуется обосновать возможность описать и смоделировать имидж семиотически (как символический образ, оформляемый с помощью системы вербальных/невербальных знаков); в коммуникативном плане этот символический образ будет рассматриваться в интеракционистском аспекте – как образ *Я*, создаваемый для других в процессе субъект-объектного взаимодействия; в контексте социально-психологического подхода – как социально-психологический феномен и продукт социального познания; в рамках когнитивно-ориентированного подхода

имидж окажется значимой когнитивной структурой. Семиотически и антропоцентрически понимаемый язык, воплощенный в компетенциях социального субъекта и дискурсивно выраженный через языковую (семиотическую, дискурсивную) личность, – вот стержень, соединяющий все эти подходы. Так задается новое пространство научной дескрипции, адекватное сложности и масштабности изучаемых культурных феноменов, и именно с его параметрами соотносятся исследовательские интерпретации любого фрагмента синтетического текста, будь то позиция субъекта-интерпретатора рок-произведения (например, поведение рок-фанатов) или семиотическая матрица рок-альбома, визуализированная на его обложке. Разумеется, потребовался определенный пересмотр традиции анализа языковой личности – с точки зрения дискурсивности.

Понятие дискурса представляет собой рациональный синтез когнитивной и коммуникативной парадигм. Оно выросло из многократно и по-разному осмысленного в науке разграничения языка (системы) и речи (деятельности). Как писал В. А. Звегинцев, «речь не просто ориентированный на ситуацию язык. Ситуация в речи есть обязательный компонент самой речи, придающий ей совершенно особый характер» [5, с. 218]. Определений дискурса множество; классическое простое определение принадлежит Н. Д. Арутюновой: дискурс есть «речь, погруженная в жизнь» [1, с. 137]. Дискурс – это «язык в языке», причем в виде особой социальной данности. Важнейшей чертой дискурса, по Е. С. Кубряковой, является тот факт, что соответствующий тип дискурса неизбежно отражает и тип социальной активности человека, и когнитивный план его мышления, и характер коммуникации в процессе использования языка; кроме того, «дискурсивная деятельность носит отчетливо специализированный характер, т.е. не может быть описанной вне указаний на среду ее проявления – бытовую, научную, профессиональную (со всеми ее разновидностями) и т.д.» [12, с. 525-526].

Семиотика культуры показала, что в качестве «языка» и «текста» функционирует любой значимый культурный объект, следовательно (особенно это наглядно в случае синтетического искусства – рок-музыка, театр и др.), на повестке дня стоит и расширение/развитие представлений о языковой личности как своеобразной субъектной полисемиотической единице, функционирующей в метадискурсивном пространстве культуры. Ведь механизм функционирования метадискурсивной матрицы культуры, состоящей из совокупности дискурсивных единиц, не может быть активирован без участия личности (языковой личности), которая выполняет функцию когнитивного катализатора. С. Н. Плотнокова замечает: «Имея стартовую позицию в виде языковой личности, человек как мыслящее существо свободен в становлении дискурсивной личности, разумеется, в пределах возможного. Эти пределы определяются способностью к порождению смыслов, соответственно, вхождение дискурсов в различные дискурсивные пространства зависит от когнитивной компетенции дискурсивной личности... дискурсивная личность не просто реализует себя в своих дискурсах; ее дискурсы должны быть востребованы другими людьми... Только в этом случае она... становится коммуникативной личностью» [13]. Дискурсивное пространство понимается не как вместительница, в которую «помещены» дискурсы, а как имеющая сетевую природу сложная система, параметры которой заданы возможностью объединения дискурсов. Это идеальное (модельное) пространство для множественных реализаций когнитивно-прагматических практик личности – субъекта-катализатора, запускающего механизм функционирования определенного дискурса как части культуры.

Однако существующие на сегодняшний день представления о дискурсивной личности чрезвычайно широки и размыты уже вследствие необозримости фактического материала. На наш взгляд, наиболее эффективный способ конкретизации данного понятия – это своеобразное сегментирование (членение) дискурсивной личности, прежде всего по конкретным зонам использования языка – социокультурным, когнитивно-прагматическим, соответствующим типам дискурсов, – то есть выделение в ее структуре частных когнитивно-прагматических дискурсивных единиц (частных моделей дискурсивной личности). Такая единица представляет собой *синтетическую языковую личность* (сокр. СЯЛ, термин Д. И. Иванова), поскольку *реализуется не исключительно в пространстве естественного языка, но в определенном локусе культуры и гетерогенна по своей природе*. Так, языковая личность рок-поэта реализуется в пространстве сразу нескольких культурных субтекстов – вербального, артикуляционного, музыкального, имиджевого и др. Каждая из частных когнитивно-прагматических зон активизации личности является составной частью дискурсивной личности; одновременно с этим их можно рассматривать и как самостоятельные когнитивно-прагматические единицы, так как они обладают специфической внешней/внутренней структурой, набором ключевых компетенций и функционируют в специфицированном пространстве. Кроме того, специфика функционирования и трансформации системы когнитивно-прагматических зон активизации личности существенно отражается на качественных особенностях развития, эволюции отдельных секторов (зон) дискурса, всего дискурса в целом и дискурсивного пространства, в который вовлечен этот дискурс.

Русский рок-текст и реализующаяся в его пространстве *синтетическая языковая личность* – это полисубтекстуальное (синтетическое) образование, формирующееся на базе генетического сращения вербального, музыкального, артикуляционного и имиджевого компонентов. В рамках авторской лингвокультурологической теории единство и специфику рок-текста определяет СЯЛ, структуру которой, включающую в себя различные компоненты и уровни, выстраивает единая *когнитивно-прагматическая программа* – своеобразная концептуальная матрица. Полноту картины дает лишь сочетание компонентного («горизонтального») и поуровневого («вертикального») описания структуры СЯЛ в функциональной специфике каждого уровня и компонента.

Различаясь внешне, СЯЛ обладает устойчивой, константной внутренней структурой независимо от того, в пространстве какого типа синтетического текста (текстов) она активизируется. Внутренняя структура СЯЛ состоит из трех уровней: а) вербально-семиотического (на этом уровне обозначается комплекс семиотических зон, попадающих в структуру синтетического текста, и определяются качественные особенности внешней структуры СЯЛ); б) когнитивно-прагматического (он включает в себя систему концептуально-когнитивных кодов, которые последовательно распределяются по семиотическим зонам синтетического текста

и, соответственно, по компонентам внешней структуры); в) ассоциативно-интерпретационного (на этом уровне происходит вовлечение в структуру СЯЛ воспринимающего субъекта, который является конститутивным компонентом дискурсивного сознания СЯЛ). Проясим специфику второго уровня.

Синтез когнитивного и прагматически ориентированного описания с целью многофакторного анализа изучаемого явления – это актуальная задача лингвистики последних десятилетий, поскольку становится ясной определенная условность различия между семантикой и прагматикой: «...десемантизация (чистая прагматика) – это реальное общение, выходящее за рамки поведения человека (*homo sapiens*), а депрагматизация (чистая семантика) – это отсутствие общения как такового» [7, с. 20]. В. И. Карасик предлагает свою иерархичную модель языковой личности как обобщенного образа «носителя культурно-языковых и коммуникативно-деятельностных ценностей, знаний, установок и поведенческих реакций» [Там же, с. 116]. Однако взаимодополнительность в виде «ценностного, познавательного и поведенческого планов», на наш взгляд, не отменяет уровневую модель, а, скорее, дополняет ее как еще один методологический принцип рассмотрения чрезвычайно сложного, но необходимого исследовательского конструкта. Наивно думать, что языковая личность представлена в тексте/текстах буквально – относительно художественного произведения это недвусмысленно обозначил еще автор самого термина В. В. Виноградов: «Монолог прикрепляется к лицу, определительный образ которого тускнеет по мере того, как он ставится все в более близкие отношения с всеобъемлющим художественным “я” автора. А чисто образ авторского “я”, все же являющийся фокусом притяжения языковой экспрессии, не появляется. Лишь в общей системе словесной организации и в приемах “изображения” художественно-индивидуального мира проступает внешне скрытый лик “писателя”» [3, с. 78]. Иными словами, известный тезис Ю. Н. Караулова «за каждым текстом стоит языковая личность» [8, с. 5] вполне можно интерпретировать с ударением на «за» – и это требует как внимания к когнитивному плану личности, так и – пусть условной – иерархизации, уровневости, системности с целью определения «порождающей» зоны.

Принцип разделения когнитивного и прагматического в синтетическом тексте теряет свою эффективность. Так, в монографии Д. И. Иванова [6] рассматривается *логоцентрическая модель* СЯЛ, сформировавшаяся в «героическую эпоху» отечественного рок-движения. В ситуации второй половины 1980-х годов рок-поэты уходили от частной проблематики (центральной для субкультурной эпохи русского рока), вербальный компонент синтетического текста превращался в лозунг, призыв к действию, к борьбе, нарастали трагизм и эсхатологизм, что превращало авторов рок-текстов в трагических пророков, несущих слово правды, истины. Рок-поэты поднимали глобальные проблемы самоопределения личности и поколения («Мое поколение боится дня. / Мое поколение пестует ночь. / А поутру ест себя» [11]), жизненного и исторического выбора и пути («Мы начинаем движение вспять, / Мы устали молчать! / Мы идем, эй, тверже шаг! / Отныне мы станем петь так! / И только так!» [10]), конкретного и метафизического противостояния добра и зла («Снова за окнами белый день. / День вызывает меня на бой. / Я чувствую, закрывая глаза: / Весь мир идет на меня войной» [14, с. 342]), хотели быть услышанными и понятыми современниками, хотели вести их за собой. Всё это закономерно приводило к предельной активизации логоцентрических тенденций: основным инструментом борьбы с «тоталитарной машиной подавления личности» становилось слово-Логос, «несущее в себе неизживаемый сакральный код, являющийся стержневым для “рока”» [4, с. 41]. Этот код в пространстве рок-дискурса превращался в этический, духовный кодекс для каждого «посвященного». Так оформилась логоцентрическая разновидность СЯЛ, в основе которой лежат принципы целостности, системности, идеоцентричности, иерархичности, сакрализации и сохранения классических идеалов. Синтетический субъект в рамках данной модели воспринимается как Бог, несущий слово правды, истины, надежды.

В контексте рассматриваемой модели СЯЛ между когнитивным и прагматическим формируется мощное корреляционное поле: прагматический компонент наделяется когнитивными свойствами, и наоборот. С одной стороны, цель (прагматика) определяет специфику когнитивных процессов личности, с другой – качественные особенности когнитивной реакции на импульсы среды полностью контролируются мотивационной, целевой установкой личности. Доминирующий здесь вербальный субтекст (элемент компонентной – «горизонтальной», внешней – структуры синтетического текста и СЯЛ) притягивает к себе другие элементы, во многом определяя их свойства и специфику функционирования в пространстве синтетического рок-текста. Ситуация семантического взаимодействия позволяет утверждать, что синтетический рок-текст – это целостная полисемиотическая система, стержнем которой является СЯЛ.

В основе процесса формирования лингвосомиотического уровня СЯЛ лежит принцип функционально-когнитивного распределения субтекстов по семиотическим зонам активизации СЯЛ. Основных зон 4, соответственно, лингвосомиотический уровень синтетической языковой личности состоит из четырех основных конститутивных компонентов: вербального, артикуляционного, музыкального и имиджевого. Каждый из обозначенных компонентов обладает сложной структурой и состоит из комплекса частных элементов, специфика которых обусловлена качественными особенностями субтекстуальных зон, образующих тот или иной компонент СЯЛ. Все компоненты СЯЛ (горизонтальный срез модели) в рамках логоцентрической модели представляют собой целостную систему, специфика которой определяется свойствами когнитивно-прагматического уровня. Целостность СЯЛ на всех уровнях (вертикальный срез) обеспечивается, прежде всего, наличием четкой когнитивно-прагматической программы (КПП СЯЛ).

КПП СЯЛ – целостная динамическая система когнитивно-прагматических установок представителей рок-коллектива. Ее принципы определяются: а) уровнем когнитивного, коммуникативного и креативного потенциала участников рок-группы, а также сформированных на его основе соответствующих компетенций; б) спецификой социокультурной, социально-политической и лингвокультурной ситуации, в пространстве которой формируется и функционирует рок-группа. Оригинальная КПП рок-группы чаще всего генерируется

на базе уже существующих, получивших в пространстве культуры «универсальный» статус. Так, в основе КПП А. Башлачева лежит «универсальная» когнитивно-прагматическая программа – «Истинный поэт», сформированная в пространстве русской и европейской литературы. Можно выделить несколько базовых когнитивных характеристик этой программы: 1) поэт несет в мир сакрализованное, священное слово истины; 2) поэт подобен Богу, пророку-провидцу, ему доступно тайное знание; 3) поэт должен умереть молодым, причем уход его должен стать внезапным и трагическим. В основе КПП В. Цоя лежит другая «универсальная» программа, которую условно можно назвать «Истинный культурный герой». Она включает в себя, во-первых, классические представления о герое и природе героического, сформированные в пространстве русской культуры, в частности русской литературы. Во-вторых, в ее пространстве особую актуализацию получает восточная (китайская) героическая традиция. Это во многом обусловлено тем, что уже при рождении будущий «последний герой» являлся носителем двух концептуальных систем: восточной и русской (неслучайно одним из основных прототипов образа «героя», на которого ориентировался В. Цой, был Брюс Ли). Покажем на одном примере взаимосвязь разных компонентов оригинальной КПП СЯЛ В. Цоя.

Выбирая черный цвет (имиджевый компонент), В. Цой, реализуя свою КПП, так же, как и его кумир, встает на путь скрытого от всех духовного самосовершенствования личности («Если есть тело, / Должен быть дух») [14, с. 342]. Возможно, этим в определенной степени объясняется особая молчаливость В. Цоя. Черный цвет, как «царь всех цветов» в китайской культуре, как особый символ водной стихии (боец должен «стать водой»), определяющей специфику становления и развития личности рок-поэта, становится визуализированным концептуальным знаком той ментальной формы, к обретению которой стремится В. Цой. Причем «идеальная ментальная форма» личности понимается В. Цоем и Брюсом Ли примерно одинаково: избавление от пустых переживаний, тревог и сомнений, стремление сохранить себя, а не внешний комфорт. В этом контексте особое концептуальное значение приобретает такой, на первый взгляд, незначительный, но постоянный (и на концертах, и в кино) элемент сценического костюма В. Цоя, как закатанные рукава. Это своеобразный визуализированный концептуальный знак героического начала СЯЛ В. Цоя, с помощью которого рок-поэт уподобляет себя восточному герою, мастеру кун-фу Брюсу Ли. Дело в том, что закатывание рукавов в эстетике восточных единоборств – это часть своеобразного ритуала подготовки в бою, знак того, что поединок принят. Закатанные рукава В. Цоя – это знак того, что вызов брошен, что закономерно отражается на уровне вербального компонента СЯЛ: «Я чувствую, закрывая глаза, / Весь мир идет на меня войной» [Там же]. Он находится в постоянной готовности к бою, к поединку, сущность которого также раскрывается через философию Брюса Ли. Его биограф, цитируя различных мастеров, дает квинтэссенцию истинного понимания поединка: «В борьбе, как и в жизни, оба противника вовлечены в процесс познания и изменения. Противник – это не враг, это “Я”, но в другой форме. Когда вы боретесь, ваш противник становится вами. Вы противостояте своим страхам, силе и слабости, своей жизни вообще... Ты знаешь, что должен выиграть, но выиграть означает победить самого себя» [2, с. 302]. Таким образом, главной целью реализации КПП СЯЛ В. Цоя «Истинный восточный герой» является не тотальная война с миром, в которой невозможно победить, а постоянная внутренняя борьба с самим собой, направленная на духовное самосовершенствование и перерождение личности в истинного героя. Именно этот смысл вкладывается В. Цоем в одну из концептуальных фраз на уровне вербального компонента СЯЛ: «Я никому не хочу ставить ногу на грудь...» [14, с. 219].

Приведем еще один пример тесной взаимосвязи компонентов в рамках КПП СЯЛ. Так, КПП СЯЛ группы «Алиса» невозможно представить без детально разработанного имиджевого субтекста лидера – К. Кинчева. В него входит целый комплекс подсистем: перфомативно-масочная (сценический костюм, сценический грим), перфомативно-кинетическая (продуманная система устойчивых кинем-идентификаторов на сцене – «воин», «шаман» и др.), иллюстративная (логотип, обложка альбома) и др. В этом «языке» всё «работает» как единый текст благодаря КПП СЯЛ. Так, например, выделение глаз с помощью грима черного цвета у В. Цоя и К. Кинчева приобретает совершенно разное значение. В. Цой, следуя выбранной КПП («Истинный восточный герой»), использует такой грим для визуализации основной когнитивно-прагматической установки, направленной на духовное самосовершенствование личности, на обретение «идеальной ментальной формы». Глаза человека – это зеркало его души, а черный цвет вокруг глаз в данном случае – это зеркальное отражение сущностных характеристик духа В. Цоя. СЯЛ К. Кинчева реализуется в рамках оригинальной «черно-красной» КПП, поэтому выделение черным цветом глаз, бровей и губ имеет иной и амбивалентный смысл. С одной стороны, появление на лице рок-поэта черного грима – это знак проявления демонической, бесовской сущности его личности. С другой – это символ реализации своеобразного сакрального ритуала изгнания этой бесовской сущности, «творческого экзорцизма», воплощенного в пространстве рок-концерта.

Анализ обложек альбомов К. Кинчева показал, что они не только визуализируют те или иные аспекты общей КПП СЯЛ рок-поэта, но и отражают качественные особенности ее трансформации и эволюции. Так, ситуация трансформации, нейтрализации исходной героической (и в то же время амбивалентной, красно-черной) модели КПП К. Кинчева семиотически отражена в оформлении обложки альбома «Шестой лесничий». На обложке альбома визуальна воплощена трагическая, эсхатологическая ситуация конца времен. Земля превратилась в «грязевое, зловонное месиво», трясину, которая поглощает, «засасывает» Шестого лесничего. А на обложке альбома «Черная метка» реализуется начало новой трансформации общей КПП. К. Кинчев расширяет ее, актуализируя «светлые» инкарнации своей синтетической языковой личности (шут, дурак, юродивый). Одновременно с этим он пытается провести своеобразный обряд инициации, духовного очищения, направленный не на нейтрализацию базовых инкарнаций (герой и шаман), а на их семантическое усложнение путем синтеза, объединения с условно «новыми» «светлыми» инкарнациями. В результате формируется общая формула КПП К. Кинчева, позднее вербализованная в композиции «Инок, воин и шут».

Оригинальная КПП СЯЛ, организующая пространство всех субтекстов, позволяет реализовать авторскую концепцию и создать целостность восприятия творчества рок-группы. Кроме того, это помогает обеспечить необходимые условия трансляции, передачи той или иной КПП от субъекта-источника к воспринимающему сознанию, которое в процессе обработки программы превращается в субъекта-интерпретатора и вовлекается в пространство периферического уровня рок-группы, а следовательно, и в структуру СЯЛ.

Выводы

С дискурсивной точки зрения лингвокультурологическая категория языковой личности получает новую интерпретацию: ядром конкретного дискурсивного пространства является синтетическая языковая личность, когнитивно-прагматические интенции которой определяют специфику его структуры и эволюции.

Авторский термин «синтетическая языковая личность» – результат развития широко известного понятия «языковая личность» и конкретизации слишком абстрактного термина «семиотическая (дискурсивная) личность». Гетерогенность дискурса позволяет выделить в нем различные когнитивно-прагматические зоны, и синтетическая языковая личность может одновременно рассматриваться как фрагмент дискурсивной личности и как самостоятельная когнитивно-прагматическая система, функционирующая в пространстве дискурса. Она формируется, развивается и функционирует в пространстве синтетических текстов разных типов (песенный текст, рок-текст, кинотекст, театральный текст, рекламный текст, различные ритуальные тексты и т.д.), каждый из которых генерирует особый тип синтетической языковой личности. Различаясь внешне, синтетическая языковая личность обладает устойчивой, константной внутренней структурой независимо от того, в пространстве какого типа синтетического текста (текстов) она активизируется.

Комплексная разработка частной модели синтетической языковой личности позволила впервые провести системный анализ дискурсивного пространства различных эпох русской рок-культуры, определить основные принципы его формирования и трансформаций, уточнить или описать по-новому механизмы порождения синтетического песенного текста, специфику его субтекстуальной структуры, предложить оригинальную лингвокультурологическую методику анализа синтетической языковой личности, перспективную для дальнейших исследований.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М.: Советская энциклопедия, 1990. С. 136-137.
2. Брюс Т. Брюс Ли: сражающийся дух. Киев: София, Ltd. 1997. 320 с.
3. Виноградов В. В. Избранные труды. М.: Наука, 1980. 361 с.
4. Гавриков В. А. Русская песенная поэзия как текст. Брянск: ООО «Брянское СРП ВОГ», 2011. 634 с.
5. Звегинцев Вл. А. Язык и лингвистическая теория. М.: Эдиториал УРСС, 2001. 248 с.
6. Иванов Д. И. Синтетическая языковая личность в русской рок-культуре: генезис, типология, структура, межкультурные связи. Иваново: ПресСто, 2016. 384 с.
7. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
8. Караулов Ю. Н. Русская языковая личность и задачи ее изучения // Язык и личность. М.: Наука, 1989. С. 3-8.
9. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. М.: Наука, 1987. 263 с.
10. Кинчев К. Движение вспять [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ownlib.ru/read-38807/kinchev-konstantin/stikhi-i-resni/page-4.html> (дата обращения: 23.10.2016).
11. Кинчев К. Мое поколение [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ownlib.ru/read-38807/kinchev-konstantin/stikhi-i-resni/page-3.html> (дата обращения: 23.10.2016).
12. Кубрякова Е. С. Дискурс: определение и направления в его исследовании // Кубрякова Е. С. Язык и знание: на пути получения знаний о языке: части речи с когнитивной точки зрения. Роль языка в познании мира / Ин-т языкознания РАН. М.: Языки славянской культуры, 2004. С. 519-532.
13. Плотникова С. Н. Дискурсивное пространство: к проблеме определения понятия [Электронный ресурс]. URL: http://md.islu.ru/sites/md.islu.ru/files/rar/statya_plotnikova_s.n..pdf (дата обращения: 23.10.2016).
14. Цой В. Р. Звезда по имени Солнце: стихи, песни, воспоминания. М.: ЭКСМО-пресс, 2000. 416 с.

ANTHROPOCENTRIC PARADIGM AND THEORY OF SYNTHETIC LINGUISTIC PERSONALITY

Ivanov Dmitrii Igorevich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Guangdong University of Foreign Studies
Ivanovo State University
Ivan610@yandex.ru

Lakerbai Dmitrii Leonidovich, Ph. D. in Philology, Associate Professor
Ivanovo State University
lakomotion@yandex.ru

In connection with processes taking place in modern linguo-oriented cognition pertaining to the humanities the article covers a meta-disciplinary theory of the “middle level”, which is synthesis of the semiotic, socio-cultural, and cognitive on the basis of linguo-culturology. According to semiotic ideas, the text can also be non-verbal that allows presenting a linguistic personality as a subject poly-semiotic unit in meta-discursive space of culture. The core of concrete discursive space is a synthetic linguistic personality, whose cognitive and pragmatic program determines specificity of its structure and evolution. Thus, the Russian rock-text and a synthetic language personality being realized in its space are a polysubtextual formation (synthetic text) being created on the basis of genetic fusion of verbal, musical, articulation and image components. Complex development of a particular model of a synthetic linguistic personality allows carrying out a systemic analysis of different discursive zones.

Key words and phrases: discourse; discursive space; synthetic text; synthetic linguistic personality; cognitive and pragmatic programme; logocentric model of synthetic linguistic personality.